

Түйін

Мақалада байлардың шаруашылығын тәркілеу туралы Кеңес үкіметінің жарлығымен оның жүзеге асырылуы туралы қарастырылады.

Conclusion

The problem of the history of adoption and realization of the declaration of confiscation of bai is properties is touched upon in this article.

**РАССКАЗ ГЕРОДОТА О ЛИДИИ И НАЧАЛЕ ДИНАСТИИ КРЕЗА
В СВЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ****Бондаренко Ю.Я.**

Геродот, античный автор V века до н.э., много путешествовавший, всемирно известен, как «отец «Истории». «Истории», в которой легенды, сказания и поверья настолько естественно вплетены в ткань собственно исторических событий, что сегодня, спустя тысячелетия, зачастую отделить одно от другого практически невозможно. В то же время его спокойный тон изложения, отсутствие славословий, пустых гроыхающих фраз и резкого нравственного противопоставления «своих» и «чужих» выгодно отделяют его от немалого числа историков и историографов XX – начала XXI веков. В огромной мере именно благодаря Геродоту, и Лидия, и Крез стали не просто явлениями всемирной истории, но и достояниями мировой культуры. Всем известно, что Лидия была богатой страной в Малой Азии, в которой, как считается, впервые стали чеканить золотую и серебряную монету. Крез, прославившийся своим богатством (известна поговорка «Богат, как Крез»), – последний ее царь, побежденный в 547 г. до н.э. Персией, закрепившей в те годы свое могущество.

Если о достоверности тех или иных исторических данных в «Истории» Геродота можно спорить, а то и вовсе не принимать их, как, скажем, современные историки не принимают цифры, говорящие о размерах персидских войск, то сведения историко-психологического и, соответственно, культурологического характера уже сами по себе и поныне представляют колоссальный интерес, ибо благодаря им мы соприкасаемся с разнообразным миром ценностей Древнего мира. Ценностей, которые определяли эмоциональные состояния и поведение людей, могли быть детонаторами спонтанных, взрывных поступков либо лежать в основе тех или иных обдуманных замыслов.

Данная статья не является требующей особой подготовки работой по античной истории, а носит сугубо культурологический характер, являясь продолжением таких работ автора, как «Тайна Атоса» (опубликована в одноименной книге в 2010 г.) и доклад «Эмоции и поведенческие стереотипы в свете культурологии», пред-

ставленный в том же году на Байтурсыновские чтения. В идеале такого рода работа историко-психологического характера должна базироваться на широкомасштабном сопоставлении артефактов и текстов самых разных времен и народов. Одно только культурологическое исследование геродотовской «Истории», «Моралий» Плутарха и «Пестрых рассказов Элиана» могло бы являть объемный труд. Здесь же перед вами лишь капля океана. Но и она позволяет задуматься над многим и, может быть, на что-то взглянуть свежим взглядом. Свежий же взгляд на проблемы культурных ценностей и поведенческих стереотипов в эпоху глобализации, называемой еще и эпохой «столкновения цивилизаций», представляет не только исторический, но и практический интерес.

Но вернемся к Геродоту. С чего начинается он сам свое масштабное повествование в 9-ти книгах? С рассказов о похищениях женщин, которые, по мысли Геродота, положили начало вражды между персами и эллинами, причем самих эллинов грек Геродот считает более виновными, нежели персов: ведь именно они в ответ на похищение Елены собрали огромный флот, приплыли в Азию и разрушили Илион. С точки зрения культурологии, и особенно ее психологических аспектов, здесь для нас важны не столько сами истории похищений, сколько различное реагирование на них и оценка самого Геродота как представителя своей эпохи. «Похищение женщин, – пишет он, – правда, дело несправедливое, но стараться мстить за похищение, по мнению персов, безрассудно. Во всяком случае, мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы они сами того не хотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лакедемона собрали огромное войско и сокрушили державу Приама...» [1, 12].

Обратим внимание: в разных регионах одни и те же действия, по Геродоту, расцениваются по-разному и вызывают различную реакцию.

О том, насколько объемна собственно характеристика Азии в целом, можно спорить. Достаточно вспомнить «Рамаяну», где индийский царевич идет войной на ракшасов, чтобы вернуть похищенную ими жену Ситу. Каковы бы ни были основы сюжета, система ценностей здесь налицо: похищение чужой супруги требует сурового воздаяния. Но Геродот пишет не об Азии в современном ее видении, а, прежде всего, о той ее части, что была доступна ему как наблюдателю. И здесь контраст описываемых ценностей явственен. Интересно и брошенное мимоходом замечание о том, что враждовать из-за похищенных женщин не стоит еще и потому, что тех не похитили бы, если они сами того не хотели бы. Это мимолетное замечание заставляет задуматься: «А были ли, вообще, женщины античности лишь «живым мясом» и молчаливыми исполнительницами воли патриархально настроенных мужчин или их собственные волеизъявления в реальной жизни могли играть далеко не маловажную роль?»

Уже иной своей гранью эта же проблема поворачивается в истории прихода к власти рода Креза, который, по словам Геродота, «первым из варваров» заставил часть обитавших в Азии греков платить себе дань. История эта дышит ароматом сказок Востока и при этом, и спустя тысячи лет от живописуемых в ней событий, дает нам достаточно четкие представления об определенной системе ценностей и сопряженных с нею эмоциях и поступках. Сюжетная канва истории проста. Некий царь Кандавл «был очень влюблен в свою жену и, как влюбленный, считал, что обладает самой красивой женщиной на свете». Был у него телохранитель Гигес, которому он доверял самые важные дела и «даже расхваливал красоты своей жены». Для того же, чтобы тот сам убедился в рассказываемом, предлагал Гигесу увидеть расхваливаемую обнаженной. Гигес отвечал: «Что за неразумные слова, господин, ты говоришь? Ты велишь мне смотреть на обнаженную госпожу? **Ведь женщины вместе с одеждой совлекают с себя и стыд!**» (выделено нами – Ю.Б.). Давно уже люди знали правила благопристойности и их следует уважать. Одно из них главное: **всякий пусть смотрит только за своим...**» [1, 13].

Уже здесь этическое сплавляется с психологическим. В совлечении одежды при посторонних усматривается потеря стыда, что, надо полагать, в свою очередь может повести и к соответствующему поведению. С женской стороны бесстыдная нагота – это знак для мужчины: что-то вроде зеленого света светофора. Для мужчины же – возбудитель, соблазн, противос-

тоять которому он не в силах, о чем образно говорится уже в библейской истории о царе Давиде. Тот увидел ночью с крыши купающуюся красавицу и настолько возжелал ее, что повелел послать мужа на верную смерть (сравните с русской сказкой «Иди туда, не знаю куда...»), после чего завладел вдовушкой, чем совершил грех перед Богом. Поэтому-то слова геродотовского персонажа так созвучны и с мудростью притчи царя Соломона, наставлявшего «утешаться своею женой»... и «не увлекаться постороннею», и с десятой заповедью Моисеевой, требовавшей не желать чужой жены, и с более поздней Нагорной проповедью Христа, возвестившего: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал в сердце своем...». Отсюда и заостренно парадоксальное: «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, то вырви его...». При всей многозначности процитированного можно почувствовать и единый стержень: эмоции, разжигаемые впечатлениями, зрительными образами, способны повести к неуправляемым разумом поступкам.

Вернувшись же к повествованию Геродота, мы видим, что царь все-таки настоял на своем. Телохранитель спрятался за занавеску и увидел обнажившуюся царицу. Но вот выйти совершенно незамеченным не сумел, «... женщина видела, как он выходил. Хотя она поняла, что все подстроено ее мужем, но не закричала от стыда, а, напротив, показала вид, будто ничего не заметила, в душе же решила отомстить Кандавлу. Ведь у лидийцев и у всех прочих варваров считается величайшим позором, даже если и мужчину увидят нагим» [1, 14].

Угрожая Гигесу смертью, царица вынудила того против собственной воли убить господину, сказав: «Мы нападём на него на том самом месте, откуда он показал тебе меня обнаженной, и ты убьешь его во время сна» [1, 14]. Так неразумный царь был убит, а к власти пришла династия, последним представителем которой и стал Крез.

Женская месть не раз встречается в повествованиях древних. Жена победителя троянцев – микенского царя Агамемнона вместе со своим любовником убивает вернувшегося с победой мужа, так как не в силах простить ему принесение перед походом в жертву богам их дочери Ифигении. Медея мстит, изменившему мужу, убив их общих сыновей. Но здесь мотив мести совершенно иной. Жена мстит царственному мужу за то, что, согласно воззрениям ее социума, является поруганием чести.

В комментариях к описываемому эпизоду, данных В.Г. Боруховичем («Научное и литера-

турное значение труда Геродота)), указано, что основой для истории стала народная лидийская легенда, «объяснявшая происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса» [1, 473]. (Здесь можно было бы вспомнить и библейскую историю Эсфирь, точнее, предысторию ее превращения в восточную царицу. Подобно неразумному лидийскому владыке, уже другой могучий царь Артаксеркс, правда, после семидневного пира, видимо сопровождавшегося чересчур уж обильным винопитием, повелевает своей красавице жене явиться пред очи гостей, дабы усладить их взоры. Та отказывается. Царь же, опасаясь, что тем самым будет дан дурной пример неповиновения и прочим женам его царства, решает заменить ее другой женою, известив об этом всех подданных: «Когда услышат о сем постановлении царя, тогда все жены будут почитать мужей своих от большого до малого» (Есфирь, 1).

Отмечая «тонкий юмор» Геродота, живописующего историю Кандавла, его супруги и Гигеса, В.Г. Борухович добавляет: «Заметно ироническое отношение грека к некоторым восточным обычаям. Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему большую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком» [1, 473-474]. Такого рода суждения об отношении греков к наготы стало настолько распространенным, что начинает казаться бесспорным. Так, уже в одной из газетных статей 2009 г. под броским названием «Долой пижамы!» без оговорок утверждается, что «явление в обнаженном виде в общественных местах было обычным явлением в античной Греции, и в олимпийских играх того времени участие принимали обнаженные спортсмены». «Совершенно обнаженное тело в Древней Греции было предметом гордости одних» [2, 22].

Что здесь заслуживает внимания культуролога и с чем можно поспорить?

Очевидно, что различное отношение разных народов к интимной стороне жизни, и соответственно к наготы, очень важная и практически значимая тема. Жители Востока, в частности иудеи, например, иначе, чем греки, относились к наготы при занятиях спортом. Поэтому в период эллинизма распространение на Востоке греческой гимнастики и гимнасий – мест для спортивных упражнений в обнаженном виде (само название которых восходит к греческому – *гимнос* – обнаженный) вызывало волнения среди ортодоксально настроенных иудеев.

Однако упомянутое видение древнегреческого отношения к обнаженному телу пред-

ставляется упрощенным. Во-первых, потому что наших знаний для столь категорических выводов явно недостаточно. Как отмечалось в англоязычных исследованиях, наши нынешние знания о Древней Греции очень ограничены [3]. Во-вторых, потому, что нагота в спорткомплексах и на олимпийских играх отнюдь не означала того, что обнажение тела, тем более женского, было явлением обыденным для Эллады. Так, свободные афинянки, проводя большую часть жизни в женской половине дома–гинекее, на улицу могли выходить лишь в сопровождении рабынь, «причем скромность заставляла госпожу прикрывать свое лицо от взоров встречных мужчин». Фифанки же, выделявшиеся среди других эллинок высоким ростом и привлекательностью походки, прикрывали лица белой тканью, так что видными оставались лишь глаза [4, 150]. Когда же Эзоп заголил тело задремавшей жены своего хозяина – философа Ксанфа, будто бы для того, чтобы той было удобнее и с закрытыми глазами стеречь предназначенный для ожидавшихся гостей стол, вошедший в дом с этими самыми гостями хозяин почувствовал себя явно уязвленным таким видом супруги [5, 87-88]. Сама история шутивно гротескна. Но она явно свидетельствует о том, что и у греков нагота отнюдь не считалась естественной и пристойной в их повседневной жизни. Да и мужчины, насколько известно, расхаживали по городам и веселились на пирушках не обнаженными. В-третьих, нагота знаменитых статуй – это, опять-таки, не зеркало быта. Здесь, помимо прочего, было бы интересно попытаться исследовать ее магические основы. Но это – особая тема. Мы же здесь можем лишь обратить внимание на то, что супруга Зевса и покровительница брака Гера всегда изображается одетой. То же можно сказать и о древнейших изображениях Дианы – Артемиды. Богиня эта малоазийского происхождения, и, видимо, поэтому в гомеровской поэме она вместе с братом-близнецом Аполлоном помогает троянцам. На наиболее ранних изображениях девственная охотница Артемиды – в длинных облаченьях. Более поздние рисуют ее в удобной для бега короткой мужской одежде. Именно эта богиня потребовала от собиравшегося в поход на Троию Агамемнона жертвоприношение его собственной дочери – в качестве расплаты за то, что царь Микен посмел поразить стрелой священную лань богини. Еще суровее она поступила с молодым охотником Актеоном, который увидел во время купанья ее наготу. Богиня превратила юношу в оленя, и тот был растерзан собаками.

Итак, мы видим, что и в мифе о богине, и в истории с царем Лидии скрытное созерцание женской наготы не остается ненаказанным. В случае с Артемидой за подглядывание расплачивается тот, чей взор коснулся ее наготы. В случае же с царицей Лидии расплачивается не увидевший наготу, а тот, кто стал виновником позорящего царицу положения. И там, и тут эмоциональная реакция на непрошенный взгляд оказывается взрывной, а то, что расценивается, как позор, требует столь же жестокой мести, что и поступки, с нашей нынешней точки зрения, куда более значительные.

Представляется существенным, что античные источники, среди которых одним из важнейших является «История» Геродота, демонстрируют нам такую систему ценностей Востока, которая свидетельствует об очень древних основах уже сегодняшней традиционной мусульманской морали, не осуждающей, а, наоборот, одобряющей желание супруги нравиться своему мужу и при этом категорически требующей от нее не привлекать внимание посторонних мужчин. В свете этого отнюдь не всякий мужской взгляд на обнаженную женскую красоту считался предосудительным. Та же царица Лидии могла без ущерба для собственного достоинства обнажиться перед мужем – но только перед ним. Примерно так же обстояло дело и тысячи лет спустя в мире уже мусульманской культуры. Так, посетителям Бахчисарая гид бесхитростно покажет бассейн для гарема крымского хана, указав на ажурные стены вокруг бассейна, стоя подле которых хан любовался прелестями купающихся красавиц. И это не считалось зазорным – ведь они были его гаремом.

С другой стороны, и тексты Геродота, и библейские тексты, равно как произведения иных античных и восточных авторов и безымянные истории и сказки, – от тех, что легли в основу «Тысячи и одной ночи», – до китайского фольклора рисуют отнюдь не плоские образы покорных року и мужской силе женщин. Среди них немало тех, кто дышит страстями и, даже при следовании строгим требованиям обычая, обладает собственной волей и силой, позволяющей им идти наперекор велениям коронованных мужчин. Женские капризы – в изложении старинных авторов – тема особая. Тем более что от Аравии до Индостана и Дальнего Востока, да и пушкинской старухи из «Сказки о золотой рыбке», они рисуются такими, какими видятся глазами мужчин.

Но в историко-культурном контексте для нас здесь существенны мотивация действий, поведенческие реакции в тех или иных, в том

числе и вроде бы бытовых ситуациях, в различные эпохи и в разных культурах. Такого рода панорамные историко-культурные, причем акцентированные на единстве психологии и культуры, исследования представляются чрезвычайно востребованными в сегодняшнем, раздраемом противоречиями мире. Мире, с одной стороны, глобализующемся и попадающем под каток так называемых «западных ценностей», включающих поэтизацию «свободной любви», рекламу жизни «без комплексов», к коим отнесен и стыд, и всякая заикленность на «титках и попках» (смягченное выражение одного известного и талантливого российского режиссера и актера), а с другой – характеризующемся колоссальным ростом мусульманского населения с совершенно иной системой ценностей.

Последняя четверть минувшего века уже стала свидетельницей того, как столкновение ценностей этих двух ипостасей современного мира стало одним из важнейших детонаторов взрыва шахского Ирана. Но культурная глобализация продолжается. И беспристрастное, объемное рассмотрение различных систем культурных ценностей в их взаимодействии, перетекании и столкновениях, причем, насколько это возможно, в масштабах тысячелетий – одна из интереснейших и практически значимых задач культурологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геродот. История. – М.: Наука, Ленинград, 1972.
2. Наша газета, 19 ноября 2009 г.
3. См. Карр Э.Г. Что такое история? – Алматы, 1997, с.18 – 19 Он так писал об ограниченности нашего видения Древней истории: «Наша картина Греции пятого века до н.э. дефектна не столько потому, что многие кусочки ... (исторической) головоломки были случайно утеряны, сколько потому, что она была написана горсткой людей из города Афины.
4. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М.: Высшая школа, 1988.
5. Эзоп. Басни. / Пер. и комментарии М.Л. Гаспарова. – М: ЭКСМО – ПРЕСС, 2001. «Вот приходят к завтраку Ксанф и его ученики и видят: хозяйка лежит, заголившись, и спит. Отворачиваются все от такого срама, а Ксанф Эзопу говорит: Что это значит, мерзавец?» Когда же хитроватый раб дает хозяину вроде бы логичное объяснение свое поступка, хозяин кричит: «Разбойник! ... **Сколько раз ты меня уже позорил, а хуже этого – никогда:** и меня осрамил, и хозяйку!». Исторический Эзоп, согласно Геродоту, жил в VI

в. до н.э. на Самосе. «Жизнеописание...» (как единый текст – Ю.Б.) было создано, по видимому, на эллинистическом Востоке во II м – I вв. до н.э.». Древнейший из сохранившихся текстов относится к I – II вв. уже н.э. (Там же, с.392 – 393) даже при учете того, что время и место создания текста не могли не отложить отпечаток на представления о постыдном, особенно сопоставляя то, что известно о быте собственно Эллады, здесь есть над чем поразмыслить.

НЕСКОЛЬКО СУЖДЕНИЙ О РАЗВИТИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У КАЗАХОВ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Духин Я.К., Кандерова Н.А.

Пахать или кочевать? – перед такой дилеммой когда-то было поставлено казахское население северных районов современного Казахстана.

Каков ответ на дилемму? Он не дан в однозначной трактовке, есть разновариантная система взглядов на проблему. Мы не склонны погружаться в анализ многообразных оценок явления, ограничимся лишь постановкой и отчасти трактовкой нескольких суждений. Начнем, пожалуй, с исторического факта.

Первые признаки появления в Тургайской области земледельческой культуры автор ряда работ о хозяйстве казахов Т. Сейдалин относил к концу XVIII в., когда были «предприняты первые попытки земледелия по бассейну р.Тургай. Пионером хлебопашества стал казах кипчакского рода Сеит-Кула». Опыт первых посевов, давший благоприятные результаты, не остался без подражания, и, по свидетельству того же автора, к середине XIX в. на территории Кустанайского и Тургайского уездов уже насчитывалось до 80 кибиток, засевавших более тысячи десятин просом и около девятисот – пшеницей.

В этом месте уместно напомнить, что с появлением земледелия у казахов возникла проблема перехода к оседлой жизни. Именно проблема, и решалась она неоднозначно. Известно, что царской администрацией подобный вопрос выдвигался еще в 20-е годы XIX в., и сразу же обнаружилось отсутствие единства в том, каким быть хозяйству обитателей местных степей.

Оренбургские власти, например, первоначально одобряли политику приобщения кочевников-казахов к земледелию. Но затем точка зрения заметно изменилась, и с приходом на

Түйін

Мақалада Геродоттың әңгімелеріндегі мысалдарда мәдени құндылықтардың рөлі қарастырылып, қазіргі заман үшін осындай мәселелердің маңыздылығы көрсетілген.

Conclusion

This article tells about the role of cultural values in historical events on the basis of the works by Herodotus and also about it's importance for the present period.

пост оренбургского генерал-губернатора П. Сухтелена, а затем и В.А. Перовского стала активно проводиться мысль об удержании местного населения в кочевом состоянии. По представлению В. Перовского в 1833 г. принято решение о запрещении казахам заниматься хлебопашеством вблизи русских поселений. Свои намерения генерал подкреплял решительными карательными мерами, названными А.И. Герценым «гибельными» и «беспутными». Оренбургские власти видели в развитии земледелия у казахов препятствие к ведению традиционного скотоводства, что, по их мнению, могло отрицательно сказаться на торговых интересах России.

Несколько иной подход продемонстрировала западносибирская администрация, считавшая хлебопашество важной предпосылкой хозяйственного развития степи. Более того, генерал-губернатор Вельяминов выступил даже инициатором награждения 20-ти казахов, наиболее отличившихся в ведении хлебопашества, «дабы через сие к занятию земледелием поощрить прочих».

Кто был прав в этих противоречивых подходах? Нам представляется, что позиция В. Перовского должна найти защиту в следующем пояснении. В условиях 30-50-х годов XIX в. переход кочевое население к оседлости еще не был подкреплен экономическими факторами, он был, скорее всего, преждевременным. Этот процесс будет совершаться позднее, уже в условиях вхождения Казахстана в рыночную структуру империи, в условиях вовлечения земельных резервов в активное хозяйственное использование переселенцами.

И действительно, поток переселенческого движения катализировал процесс развития земледелия у местного населения, и темпы его были